

БАЛКАНИСТИКА В МОСКВЕ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ СЕГОДНЯ:
ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ

Филологические исследования по балканистике в Москве и Санкт-Петербурге имеют богатую современную историю. Институт славяноведения (и балканистики до 1998 г.) РАН является центром гуманитарной балканистики в Москве, в Петербурге балканистические исследования сосредоточены в Институте лингвистических исследований РАН и на филологическом факультете СПбГУ, а также в Кунсткамере.

В последние два десятилетия ученые-балканисты Москвы и Петербурга участвуют в совместных проектах (одним из важнейших стал проект по Малому диалектологическому атласу балканских языков (МДАБЯ) под руководством А.Н. Соболева). В полевых исследованиях, обработке материалов и теоретическом их осмыслении приняли участие балканисты из Москвы и Петербурга. Из Института славяноведения в МДАБЯ на разных этапах принимали участие Г.П. Клепикова, А.А. Плотникова, И.А. Седакова, Е.С. Узенева, Т.В. Цивьян и др. Этнолингвистическая информация собиралась по вопросу, специально составленному для работы по МДАБЯ А.А. Плотниковой, – см. публикации МДАБЯ [1–5]. Ученые постоянно встречаются на конференциях в Москве, Петербурге, а также за рубежом (на конгрессах Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы – МАЮВЕ и др.). (МАЮВЕ – в России председателем Комитета является К.В. Никифоров – традиционно уделяет большее внимание истории, однако и филологические секции всегда проводятся в рамках конгрессов. Последние конгрессы МАЮВЕ проводились в Софии (1994), Бухаресте (1999), Тиране (2004) и Париже (2009). К конгрессам выпускаются сборники докладов российской делегации, см. [6; 7].)

В этом обзоре я сосредоточусь на конференциях 2011 г., которые прошли в двух столицах и, как кажется, демонстрируют основные направления в развитии балканистики в Москве и Петербурге: 17–19 марта работала секция «Балканистика и византистика» в рамках XL Международной филологической конференции, организованной филологическим факультетом СПбГУ, а 22–24 марта в Институте славяноведения РАН состоялись одиннадцатые «Балканские чтения», озаглавленные «Балканский спектр: от света к цвету».

В работе секции «Балканистика и византистика» приняли участие как видные балканисты из Санкт-Петербурга (А.Н. Соболев, А.В. Жугра, А.Ю. Русаков), так и начинающие аспиранты. Докладам по балканистике было отведено два дня, 17 и 18 марта. Первый день был разделен на два заседания, каждое из которых было посвящено в первую очередь данным, полученным в ходе одной из двух экспедиций: первое заседание – экспедиции в Голоборду (Албания) и второе – экспедиции к албанцам Приазовья. Такой интерес к албанскому языку и культуре в Петербурге не случаен: школа албанистики, основанная А.В. Десницкой, переживает в последние годы новый расцвет, и в рамках конференции прозвучал целый ряд докладов молодых ученых, студентов и аспирантов, специализирующихся на изучении языка и культуры этой балканской страны, а также языков и культур национальных меньшинств, проживающих в Албании: выступили *Д.С. Ермолин* с докладами «Погребальный обряд славян-мусульман Голоборды. Материалы экспедиций 2010 г.» и «Балканизмы в структуре погребального обряда албанцев Приазовья», *М.С. Морозова* – «Система терминов родства в говоре славян-мусульман Голоборды (с. Требишт)» и «Говор албанцев Приазовья: от первых фиксаций до настоящего времени», *А.С. Дузушина*, представившая доклады «Балканские черты цикла родинной обрядности албанцев

Приазовья» и «Родинная обрядность славян-мусульман Голоборды: по материалам экспедиций 2009–2010 гг.» (совместно с М.С. Морозовой).

Второй день был также разделен на два заседания: первая половина дня была вновь «отдана на откуп» албанистам: докладу *А.В. Жуғры* о семантике мотива *E randoi me fjale* ‘задеть словом’ в албанском эпосе; *Л.Н. Каминская* поделилась рядом предположений об источниках появления албанской лексики в словаре Палласа (конец XVIII в.); албанские диалекты в османскую эпоху стали темой доклада *А.Ю. Русакова*. Лишь заключительный доклад *Н.Г. Голант* был посвящен румынским погребальным обрядам. После небольшого перерыва слово взяли эллинисты: прозвучали доклады о фонетических особенностях цакопского диалекта (*В.В. Федченко* и *М.Л. Кисилиер*), отличающегося от стандартного греческого целым рядом уникальных специфических черт, от новогреческих астрономических загадок (*А.Е. Тушин*), об использовании кодов в поэзии Визииноса (*Е.А. Иосифиди*), о свадебной обрядности греков Приазовья (*Л. Гуцяи*). На эту конференцию приехали и московские балканисты: *М.М. Макарецев* выступил с докладом «Система местоимений в славянском говоре с. Бобштица», аспирант *А.Е. Тушин* представил доклад «Новогреческие астрономические загадки в сопоставлении с македонскими и турецкими». Комментарии к московским докладом, сделанные в ходе дискуссии балканистами из Санкт-Петербурга, имели в основном лингвистическую направленность, чем особо сильна питерская школа балканистики.

Балканские чтения были организованы Центром лингвокультурных исследований «Balcanica» при поддержке гранта РФФИ № 11-06-06022. Проведение подобных симпозиумов в Институте имеет почти полувековую традицию. С первых симпозиумов по балканистике (1960–1970 гг.) был взят курс на максимальную широту гуманитарной проблематики и на реконструкцию древнейших элементов балканского культурного прототекста (см. [8]). В методике, в подходах к анализу и интерпретации данных особое значение придавалось и придается методам семиотики, что отличает московскую балканистику от питерской школы, возникновение которой неразрывно связано с интересом *А.В. Десницкой* к албанистике и влиянием Ленинградской грамматической школы. Именно этим может быть большая ориентация петербургской балканистики на собственно лингвистику, на историческое языкознание, диалектологию и лингвогеографию в балканских странах, хотя в рамках XL Международной филологической конференции прозвучало немало и этнографических, и этнолингвистических докладов, что отражает современную тенденцию к комплексному подходу к проблемам балканского феномена вообще и балканского языкового союза, балканской языковой картины мира в частности.

«Балканские чтения» с самых первых московских научных встреч в Институте славяноведения (в 1970-е годы конференции назывались «Симпозиумами по балканистике») ориентировались на программные тезисы *В.Н. Топорова*, опубликованные в качестве предисловия к сборнику «Первый симпозиум по балканскому языкознанию. Античная балканистика (23–24 мая 1972 г.). Предварительные материалы (Тезисы докладов. Сообщения. Аннотации)» (М., 1972).

Тематика выступлений на «Балканских чтениях 11» была сконцентрирована вокруг концептов света и тьмы, развития палитры цветообозначений и особо отмеченных в культуре цветов в балканских текстах разного рода. Различные преломления этой центральной темы звучали как в лингвокультурных и этнолингвистических докладах, так и в, на первый взгляд, чисто лингвистических докладах. Обращение к сопоставлению двух универсальных проблем, символики оппозиции «свет – тьма» и символики цвета, с одной стороны, и концентрация исследователей на балканском материале – с другой, позволило достичь ценного баланса между широтой и глубиной стоящих перед учеными задач.

Всего на конференции прозвучало 30 докладов российских и зарубежных ученых-балканистов, часть из которых несколькими днями ранее выступала в Санкт-Петербурге. Кроме сотрудников Института славяноведения РАН и других московских центров (ГМИИ им. А.С. Пушкина, РГГУ, МГУ и др.), в конференции участвовали балканисты из Санкт-Петербурга (акад. РАН *Н.Н. Казанский*, *А.Ю. Русаков*, *А.Н. Соболев*, *Ф.А. Елоева*, *А.А. Новик*, *Н.Г. Голант*, *В.Г. Колосова*, *Д.С. Ермолин*). Иностранцами гостями Центра стали известные лингвисты *Р. Александер* (Калифорнийский университет, Беркли), *П. Асенова* (Софийский университет, Болгария), *Е. Бужаровская* (Университет Скопье, Македония), *Б. Джозеф* (Университет Огайо), *М. Менцей* (Университет Любляны, Словения), *Л. Попович* (Университет Белграда, Сербия), *Л. Раденкович* (Институт балканистики, Белград),

В. Фридман (Университет Чикаго), Э. Црвенковская (Университет Скопье, Македония), З. Шмитек (Университет Любляны, Словения). На московской конференции, как и на конференции в Петербурге, выступило немало молодых исследователей – аспирантов и молодых кандидатов наук. Показательно, что многие доклады молодых балканистов перекликались и дополняли друг друга. Для современной российской балканистики это очень важный момент: похоже, что новое поколение балканистов из двух столиц работают вместе и их волнуют сходные проблемы балканских языков и традиционной картины мира.

Открывал конференцию доклад *Б. Джозефа* (США), посвященный анализу звукового символизма лексики, связанной с идеями ‘свет’ и ‘горение’ в греческом и албанском языках. Американский ученый утверждал, что подобно тому, как в английском языке звуковой кластер *gl-*, не имеющий морфологического значения, включает в себе понятия ‘огонь’, ‘горение’, ‘сияние’ и т.п. (*glow, gleam, glitter, glisten*), в балканских языках выступает сочетание (*ts+V*)/(*dz+V*) со схожим значением горения, блеска и жжения: *tsíkva* (‘запах паленого, дыма’), *τσουρονφλίζω* (‘жечь’) и в албанском (*dz+V*): *xixelloj* (‘искриться’).

В докладе *В. Фридмана* «Балканизмы цвета: что это такое, черное, белое, и красное/прочитанное со всех сторон» ученый сопоставил актуальную в США до сих пор, несмотря на успехи адептов политкорректности, оппозицию «белый – не-белый» (где понятие «не-белый» до Второй мировой войны могло включать в себя и польских, и итальянских иммигрантов) с традиционной оппозицией «белого и черного» в балканском фольклоре, где первый соотносится с положительными характеристиками, например красотой героини, а черный – с опасностью и чуждостью. Далее ученый коснулся другой интересной проблемы культурно мотивированных цветообозначений – названий видов домашних животных и птиц через их окраску.

Продолжил конференцию совместный доклад *П. Асеновой* (Болгария) и *У. Дуковой* (Германия) «Ното *balcanicus* во тьме и на свету». Исследовательницы проанализировали развитие в балканских языках терминов, метафорически описывающих эмоции человека (‘темный’ в болгарском, румынском и албанском и ‘покрытый облаками’ в греческом, албанском и арумынском). Не был оставлен без внимания докладчицами и грамматический аспект этой глагольной лексики, относящийся к пассивности-активности глаголов. Все это позволило сделать вывод о наличии особого единого ареала, представленного греческим, албанским и арумынским, в котором первый оказал влияние на два других; к этому ареалу приближается болгарский, а румынский оказывается несколько в стороне.

Доклад *Н.Н. Казанского* (Санкт-Петербург) был посвящен истории развития системы древнегреческих и латинских цветообозначений. Древнейшие греческие цветообозначения микенского периода могут быть связаны с хозяйственной лексикой (при этом, например, *ro-ni-ki-ja* ‘пурпурный’ использовалось только для описания колесниц и было противопоставлено *mi-to-we-sa* ‘красный’). Также ученым было представлено несколько этимологий, связывающих обозначения некоторых астрономических объектов с идеями ‘светозарности’ и ‘блеска’.

Э. Црвенковская (Македония) в своем докладе проанализировала особенности реализации византийской «философии света» в переводной славянской гимнографии. Концепт «свет» эксплицируется как через многозначную лексему «свет», так и через связанные с ней «предметные» лексемы «свеча», «светило» или через смежные понятия ‘блеск’, ‘светлый’.

Возвратил слушателей в микенскую эпоху доклад *Л.И. Акимовой* (Москва), представивший анализ раннегреческой хроматической системы на примере расписного саркофага рубежа XV–XIV вв. до н.э. Исследовательнице удалось продемонстрировать сложность и развитость символики цвета в рассматриваемых росписях и выделить в качестве одной из важных структурных оппозиций противопоставление *синий–желтый*, являющуюся отражением более глубокого противопоставления *черный–белый*.

Полисемия и амбивалентность символики света и тьмы в Древней Греции стала темой доклада *А.А. Новохатько* (Фрейбург). На материале древней аттической комедии было показано, что первостепенное значение в ней имела тьма потустороннего мира, Аида. Другим вариантом семиотической трактовки тьмы может служить тьма варварства, противопоставленная свету и порядку культуры полиса. Однако черный может быть и положительной характеристикой со значениями ‘смуглый’, ‘мужественный’, ‘храбрый’ в отличие от белого, характеризующего героя как ‘женственного’ и ‘трусливого’.

Л. Попович (Сербия) в своем докладе представила аудитории анализ цветообозначений

в русском, украинском и сербском фольклоре и продемонстрировала в семантике и символических цветах рефлексы древнейшей оппозиции «блестящий – без блеска», предшествовавшей появлению собственно цветовых противопоставлений.

Продолжили тему блеска в народной культуре два дополнивших друг друга доклада *М. Менцей* (Словения) и *Л.В. Виноградовой* (Москва), посвященных ночным «светящимся» духам. Эти духи, описываемые чаще всего как «огоньки», движущиеся или мерцающие, символизируют души умерших, а огненная стихия традиционно представляется как одна из ипостасей человеческой души.

Второй день конференции начинало «лингвистическое» заседание под председательством *В. Фридмана* (США), посвященное исключительно балканской лингвистике и диалектологии. Открывал это заседание доклад *Р. Александер* (США), продемонстрировавший перспективы проекта под рабочим названием «Живая традиция болгарской диалектологии». В конце прошлого века похожий проект «Малый диалектологический атлас балканских языков» оказался очень удачным, несмотря на то что его активно критиковали за непредставительную сетку исследуемых сел. Даже еще меньшее изучение современных диалектов в различных регионах Болгарии свидетельствует об устойчивости «балканскости» в условиях наступающей модернизации и стандартизации и соответствуют концепции балканской модели мира.

Соотносимой с балканской моделью мира оказывается и трехчленная система определенного артикля помакских говоров болгарского языка, исследованная *Е. Адаму* (Франция). В этих говорах трехчленная система не только сохраняется, но и коррелирует с временными характеристиками высказывания, что подтверждает выводы более ранних исследований *Т.В. Цивьян* и *Т.Н. Свешниковой*. Доклад *А.Ю. Русакова* (Санкт-Петербург) был посвящен некоторым особенностям диалектов албанского языка области Дибра и возможным причинам уникальности некоторых черт дибрских говоров. В качестве введения в проблему докладчик посвятил часть своего времени экскурсу в историю диалектного развития албанского языка. *Е. Бужаровская* (Македония) рассмотрела многозначность македонского глагола *сака* ‘хотеть’, ‘нравиться’, ‘любить’, находящего параллели не в соседствующих южнославянских языках, а в албанском и арумьнском. Завершил это заседание программный доклад *А.Н. Соболева* «Румынские штудии Капитара и возникновение академической балканистики», предложивший новое, отвечающее современности прочтение научно-исторических взглядов на балканский языковой союз, бытовавших на самой заре балканистики. Доклад по предложению редактора журнала «Вопросы языкознания» будет полностью опубликован в этом издании в разделе «История науки».

К проблематике света и тьмы, балканского цветового спектра вернул слушателей доклад *И.А. Седаковой* (Москва), которая рассмотрела колористику современного македонского романа «Пырей» *П.М. Андреевского*. Цветовая гамма романа отличается минимализмом, «задействованы» лишь основные цвета архаического треугольника (по *Виктору Тернеру*) – черный, белый и красный. Привычная позитивная символика белого и красного в этом романе получает, как и черное, преимущественно негативное звучание и связана со сферами болезни, смерти и несчастий. Эта амбивалентность и смена знаков оценки – типичная балканская черта, ярко представленная в «Пырее» и в других текстах, о которых шла речь на конференции.

В сообщении *Д.С. Ермолина* (Санкт-Петербург) были также представлены свидетельства исключительной важности об архаической триаде белый–черный–красный, в данном случае в погребальной обрядности приазовских албанцев. Белый в представлении албанцев Приазовья о загробном мире соотносится с раем, черный – с адом, в том числе и через цветовую характеристику, например, дегтя (алб. *katran*, болг. диал. *катран* служит обозначением преисподней). Предметы красного цвета в погребальной обрядности выполняют опознавательную функцию, помогая умершим быть узнаваемыми ранее ушедшими родственниками (а также, в недавнем прошлом, символизировал лояльность к коммунистической партии).

Актуальной триада белый–черный–красный оказывается и в современной балканской живописи, как убедительно показала *Н.В. Злыднева* (Москва). В изобразительном и вербальном искусстве Балкан используются одни и те же модели: переход цвета в свет, нейтрализация оппозиции «свет–тьма» через сближение ее членов, наложение цветообозначений и смена их оценки.

Л. Раденкович (Сербия) сконцентрировался в своем докладе на семиотике красного цвета в погребальной обрядности и демонологии славян, подчеркнув связь красного с кровью и огнем, что находит свое отражение как в лексике, так и в обрядах. *З. Шмттек* (Словения), продолживший тему цветового символизма, предложил обобщающий обзор символики основных цветов в словенском фольклоре, включив в их число также «золотой» и «серебряный», которые символически указывают не только на особую ценность определяемого этими эпитетами, но и на связь с небом или с подземным миром.

Завершающий день конференции открыл доклад *А.А. Новика* (Санкт-Петербург) «Краситель – краска – цвет – свет в одежде и традиции албанцев». Ученый рассказал не только об использовании «классической» цветовой триады, но и других цветов, например оранжевого, пришедших в албанский национальный костюм вместе с появлением искусственных красителей. В докладе уделялось внимание как непосредственно методикам окрашивания ткани, так и влиянию на костюм славянской, византийской и ориентальной традиций.

В докладе *Н.Г. Голант* (Санкт-Петербург) были освещены некоторые аспекты символики румынских оберегов в форме нитей, подтверждающиеся и данными румынского языка. Палитра цветов мартовских нитей не исчерпывается красным и белым, хотя они и остаются самыми популярными: первый выполняет прежде всего защитные функции, второй направлен на сохранение/приобретение красоты по принципам симпатической магии.

А.А. Плотникова (Москва) рассмотрела различные поверья, связанные с рождением «в цветной рубашке» через призму этногеографии, что, например, позволило локализовать представления о связи рождения ребенка в «цветной рубашке» и его демонических качеств в западной части Южной Славии.

А.П. Якимова (Москва) показала, как цвет в болгарском костюме соответствует возрасту человека: от белых пеленок младенчества к яркому, расшитому, с заметной ролью красного свадебному костюму, а от него – возвращение к бесцветности, серости в костюме пожилой женщины и в погребальной одежде.

Темы дневного заседания третьего дня, завершившего научную часть конференции, были во многом связаны с этноботаникой. *А.Б. Иттолитова* (Москва) сопоставила описание растений с их изображениями в народных травниках XVIII – начала XX в., что позволило не только оценить уровень компетенции художника/составителя, но и выделить некоторые особенности соответствия цвета в тексте и в изображении, варьирующего от полного соответствия до полного отсутствия корреляции. Здесь важно отметить перспективность подобных исследований, поскольку в русских травниках очень много балканских заимствований, не говоря о том, что такие рукописные книги порой привозились из Византии и просто переводились на русский. Другой подход к колористике флоры предложила *В.Б. Колосова* (Санкт-Петербург), проанализировавшая модели и мотивировки образования фитонимов для «огненных трав», т.е. растений, названия которых отсылают к огню, искрам и т.п. Основной мотивировкой такой номинации служит цвет лепестков (желтый, красный, но иногда и другие цвета), реже – жгучий вкус. Также с огнем связаны народные названия низших грибов, воспринимавшихся как болезни, поражающие (словно «обжигают») сельскохозяйственные культуры.

О.В. Белова (Москва) сопоставила цветовую символику у южных славян с колористикой восточных и западных славян, обобщив представления о цветовом спектре в фольклоре по материалам этнолингвистического словаря «Славянские древности» (Т. 1–4. М., 1995–2009). Из «цветовых» статей словаря ясно видно, что хроматические характеристики сохраняют свое значение на всех уровнях народной культуры, как подчеркивая его типичное свойство, так и выделяя специфичное. При этом балканская часть славянского ареала в этом также обнаруживает свою «балканскость», сохраняя связи с другими славянскими культурами, но и проявляя очевидные балканские черты, типичные для неславянских языков и культур Балкан.

Сообщение *А.Е. Тунина* (Москва) о цветовом коде новогреческих загадок во многом перекликалось с докладами этноботаников. В тексте загадки цвет мотивируется реальным свойством денотата, но при этом может использоваться непосредственно цветообозначение, или кодирование через предметы, в которых цвет является важной онтологической характеристикой. Так, например, нередко присутствует пищевой код: солнце как мед, масло (т.е. желтое), луна как сыр (т.е. беловатая).

К «Балканским чтениям» был издан сборник тезисов и материалов «Балканский спектр: от света к цвету» (М., 2011).

Информация о проектах по балканистике, полевых исследованиях, публикациях и конференциях размещается на сайтах ИЛИ РАН (<http://iling.spb.ru>), филологического факультета СПбГУ (<http://www.philarts.spbu.ru>), Института славяноведения РАН (<http://www.inslav.ru>).

© 2012 г. А.Е. Тунин

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малый диалектологический атлас балканских языков. Пробный выпуск / Ред. А.Н. Соболев. München, 2003.
2. Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. I. Лексика духовной культуры / Ред. А.Н. Соболев. München, 2005.
3. Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. II. Человек. Семья / Ред. А.Н. Соболев. München, 2005.
4. Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия грамматическая. Т. I. Категории имени существительного / Ред. А.Н. Соболев. München, 2005.
5. Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. III. Животноводство / Ред. А.Н. Соболев. СПб.; München, 2009.
6. Доклады российских ученых. IX Конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Тирана, 30.08–03.09.2004) / В.К. Волков (отв. ред.), А.В. Жугра (отв. секретарь), А.Ю. Русаков (отв. редактор), И.А. Седакова, А.П. Сытов, Т.В. Цивьян. СПб., 2004.
7. Доклады российской делегации. X Конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Париж, 24–26 сентября 2009 г.) / Ред. Н.Н. Казанский, К.В. Никифоров и др. СПб., 2009.
8. *Седакова И.А., Цивьян Т.В.* Из истории наших конференций // Мартеница. Mărțișor. MART'Σ. VERORE... (Материалы «круглого стола» 25 марта 2008 года). М., 2009.